

Миновала ночь.

Вкусный, аппетитный запах жареной еды наполнил комнату, и Е Хуай проснулся от требовательного урчания в животе.

Он потянулся во сне и, не желая просыпаться, неохотно пробормотал:

— Куриная ножка...

Не успел он толком приоткрыть глаза, как опора под его головой исчезла. Ткнувшись носом прямо в подушку, мальчишка сонно заморгал, пытаясь сообразить, что произошло.

Перед ним предстал холодный, безучастный взгляд Цзян Ту. Разминая затекшее плечо, мужчина сухо переспросил:

— Куриная ножка?

Е Хуай замер, глупо приоткрыв рот. Сон слетел с него в мгновение ока: до мальчишки наконец дошло, что за лакомый кусочек он так упорно принимал плечо Цзян Ту! Он испуганно уставился на руку наставника, судорожно пытаясь вспомнить, сильно ли кусался во сне — ведь в своих грезах он успел приложиться к этой «ножке» несколько раз.

Цзян Ту не обратил на это внимания. Поднявшись с постели, он принялся спешно переодеваться, не теряя ни секунды драгоценного времени.

Е Хуай смутился еще сильнее. Пытаясь отвести взгляд и боясь ненароком прогневать наставника, он принялся судорожно рассматривать стены и невнятно забормотал:

— Благодетель, я почуял запах крови. Стал звать вас из-за двери, но вы не отвечали... Я очень испугался за вас и зашел...

Цзян Ту едва заметно усмехнулся:

— И от избытка чувств заснул прямо у моей постели?

Е Хуай виновато замялся:

— Простите, благодетель... Впредь я...

Он хотел было пообещать, что больше никогда так не поступит, но сама мысль о том, чтобы спать отдельно, нагоняла на него тоску. Рядом с Цзян Ту он впервые осознал, что ночные

видения могут быть не только кровавыми и пугающими, а сон — по-настоящему безмятежным.

Поэтому, замявшись на полуслове, он выдавил:

—... Я больше не буду заходить к вам без спроса.

Цзян Ту не заметил этих юношеских метаний, но искренняя забота Е Хуая заставила его растеряться.

Пожалуй, суровый и хладнокровный Владыка преисподней меньше всего на свете умел справляться именно с таким — обезоруживающе чистым и непосредственным — участием.

Не зная, что ответить, он решил поскорее замять неловкость и сухо обронил:

— Ничего страшного.

Он и представить не мог, каким невероятным облегчением эти слова отозвались в душе мальчишки. Взгляд Е Хуая радостно заблестел, а сердце забилось чаще.

Значит... благодетель вовсе не против его общества? Какой же он замечательный!

Пока Е Хуай предавался восторженным мечтаниям, паря на крыльях счастья, Цзян Ту уже закончил одеваться.

— Не проголодался? — спросил он. — Тогда идем.

Е Хуай мигом соскочил с кровати и преданно увязался следом, точь-в-точь котенок, спешащий за кошкой. На ходу он не сводил с мужчины восхищенных глаз, так что Цзян Ту стоило лишь опустить голову, чтобы натолкнуться на сияющий, чистый взгляд золотистых глаз.

Цзян Ту смущенно отвел взор.

В передней комнате их ждал ломящийся от еды стол — простые, но сытные крестьянские яства.

Ван Паньди заботливо расставляла миски:

— Вот суп с тофу, который просил молодой бессмертный, вот печеный батат... А это наши пышные пироги, особая гордость деревни Множества Благословений: тесто замешано на молодой полыни, а внутри начинка из тертого арахиса и кунжута. Еще я зарезала жирную курицу, которую Хромой Ван держал на продажу в загоне, и сварила бульон. Здесь две ножи,

как раз по одной на каждого...

У Е Хуая от такого изобилия буквально дух захватило. Он тут же потянулся к тарелке голой пятерней.

Цзян Ту ловко перехватил его запястье палочками для еды.

— Люди едят приборами, — строго осадил он мальчишку.

Только дикие звери таскают еду лапами.

Цзян Ту прекрасно понимал: пока Е Хуая держали в заточении как сосуд для парного совершенствования, его манерами никто не занимался. А дурные привычки, укоренившись, выводятся с огромным трудом.

На кого-то другого он бы и время тратить не стал, но Е Хуаю в будущем суждено было вознестись. Как только Цзян Ту представлял, что на торжественном пиршестве небожителей этот оболтус полезет в общее блюдо руками, у него начинало предупреждающе ломить виски.

Обучать мальчишку придется долго, и начать следовало с малого — с умения держать палочки.

Е Хуай уныло протянул «о-о-х», но взгляда от курицы так и не отвел. Кое-как зажав палочки в кулаке, он попытался повторить жест наставника и неуверенно потянулся к тарелке.

Схватить-то он схватил, но пальцы предательски дрожали, никак не желая удерживать скользкую кость.

Жалобно хмыкнув, он уставился на Цзян Ту:

—... Благодетель...

Цзян Ту со вздохом велел:

— Протяни руку.

Мальчик послушно выполнил приказ.

Цзян Ту довольно бесцеремонно распрямил его пальцы, правильно вложил в ладонь бамбуковые палочки и заставил обхватить их. Затем, накрыв его руку своей ладонью, он медленно донес куриную ножку до миски Е Хуая, наглядно показывая весь процесс.

У наставника были изящные, длинные пальцы, белые, точно дорогой фарфор. Обычные деревянные палочки в его руках казались резным нефритом.

Чтобы направить руку ученика, Цзян Ту пришлось слегка склониться над ним. В этот миг Е Хуая окутало густым, прохладным ароматом цветов туми.

Мальчишка глубоко вдохнул этот дивный запах, но Цзян Ту уже отпустил его руку и вернулся на свое место.

— Понял?

Е Хуай закивал:

— Да, понял.

Он еще сильнее утвердился в мысли, что благодетель относится к нему с невероятной теплотой — ведь тот не гнушался объяснять ему даже такие житейские мелочи.

Опустив голову, Е Хуай почувствовал, как ладонь, которой только что касался Цзян Ту, сперва обдало приятной прохладой, а затем она словно загорелась изнутри. Стараясь в точности повторить движения наставника, он ухватил палочками ножку и впился в нее зубами.

Мясо оказалось нежным и сочным, оно буквально таяло во рту, брызгая ароматным соком.

Как же вкусно... Куда вкуснее вчерашнего супа с тофу.

Под мерное чавканье Е Хуая Цзян Ту отложил приборы и перевел взгляд на Ван Паньди.

Сам он почти ничего не коснулся: его тарелка оставалась чистой, без следов жира. Из всего предложенного разнообразия он взял лишь один пыльный пирог.

«Неужели не понравилось?» — затрепетала Ван Паньди. Она и так безумно волновалась, а под пристальным взглядом гостя и вовсе выпрямилась на стуле как натянутая струна.

Она понимала, что Цзян Ту не желает ей зла и внешне он удивительно красив. Но его холодное величие и аура отрешенности невольно внушали благоговейный трепет. Стоило ему просто сидеть рядом, как воздух вокруг словно становился тяжелее.

Видя ее замешательство, Цзян Ту мягко произнес:

— Не бойся, я всего лишь хочу задать тебе несколько вопросов.

Ван Паньди закивала еще испуганнее:

— Да, конечно!

«Что ж, ладно».

Цзян Ту не стал ее мучить и перешел к делу:

— Откуда у старосты взялись те талисманы в комнате? Ты знаешь их происхождение?

Е Хуай мгновенно перестал жевать и настороженно прислушался, его золотистые глаза опасно сощурились.

Ван Паньди скрывать было нечего:

— Я и сама толком не знаю. Но однажды мы с сестрой увидели, как староста уносит к себе выкопанный из земли драгоценный женьшень. Мы тихонько пошли за ним и подглядели в щель, как он поджег эту бумажку в своей комнате. Вскоре после этого драгоценный женьшень исчез. Староста уверял, что выгодно продал его, но мы ни разу не видели в деревне покупателей. Я сразу заподозрила, что дело в этих талисманах... Поэтому, как только мне удалось сбежать из храма предков, я прямиком бросилась к его дому.

Закончив рассказ, Ван Паньди робко заглянула ему в лицо:

— Бессмертный господин, я... смогла вам помочь?

Цзян Ту кивнул:

— Ты очень нам помогла. Это был передающий талисман. Как только его сжигают, создавший его орден мгновенно получает весть.

Теперь становилось ясно, почему после каждого сожжения бумаги драгоценный женьшень таинственным образом «распродавали».

Если бы не своевременное вмешательство Ван Паньди, вряд ли они смогли бы сейчас так мирно обедать.

Девушка потрясенно ахнула:

— Значит, Драгоценный женьшень забирали... Но почему? Зачем им это?

— У человеческой алчности нет причин, — сухо отозвался Цзян Ту, слегка постучав пальцами по столу. Затем повернулся к ученику: — Ты закончил?

Е Хуай, увлеченно ловивший каждое слово, не сразу понял, что обращаются к нему. Спешно проглотив недожеванный кусок курицы, он закивал:

— Да, я наелся!

Цзян Ту поднялся из-за стола. Его голос звучал ровно и бесстрастно:

— Раз так, пора собираться в путь.

Ван Паньди расстроилась:

— Бессмертный господин, вы уже уходите? Неужели не останетесь еще на пару дней?

— Нет, — коротко ответил Цзян Ту.

Его решения никто не мог оспорить. У Ван Паньди заблестели слезы на глазах.

— В таком случае... позвольте мне собрать вам немного еды на дорогу и дорожных денег.

На этот раз Цзян Ту отказываться не стал:

— Благодарю.

Е Хуай замер за спиной наставника. Ему очень хотелось спросить, к чему такая спешка, но, взглянув на его строгое, бесстрастное лицо, он так и не решился открыть рот.

Вскоре Ван Паньди вернулась с увесистым узелком в руках. Передавая его Цзян Ту, она шмыгнула носом:

— Бессмертный господин, у меня нет ничего ценного, чтобы отблагодарить вас. Мой долг перед вами так велик, что в этой жизни мне его не оплатить. В следующей я готова стать вашей рабыней, служить вам верой и правдой... Если судьба вновь приведет вас в деревню Множества Благословений, заклинаю, навестите меня. Если вам хоть когда-нибудь понадобится моя помощь — я без раздумий отдам за вас жизнь.

Цзян Ту бережно принял узелок с дорожным угощением:

— Ван Паньди, ты мне ничего не должна. Твое будущее отныне в твоих собственных руках. Живи так, как велит тебе сердце.

— Я все поняла, ваши слова я сохраню в самом сердце, — девушка низко поклонилась, а затем ласково улыбнулась Е Хуаю: — Молодой бессмертный, и вы берегите себя. Вы еще так юны, но уже куда храбрее меня. Уверена, впереди вас ждут великие дела.

От такой похвалы Е Хуай смущенно заалел и закивал:

— Спасибо, сестра Паньди! Я буду очень стараться!

Напоследок они обменялись еще парой слов, и Ван Паньди с грустью побрела провожать их до самой окраины.

У околицы Цзян Ту остановился и мягко произнес:

— Довольно. Дальше мы пойдем сами.

Ван Паньди замерла на месте. Она судорожно вытирала слезы рукавом, но они все капали и капали на дорожную пыль.

Вдруг до ее слуха долетел тихий, но отчетливый голос Цзян Ту:

— Ван Паньди, обернись.

Ван Паньди вздрогнула и порывисто обернулась.

Позади нее, укутанный дорожной пылью, высился старый каменный знак с высеченным названием «Деревня Множества Благословений». Стоявший так далеко, он казался сейчас совсем крошечным и безмолвным.

А впереди, где дорога уходила за горизонт, силуэты путников уже растаяли в утренней дымке. Лишь легкий весенний ветер донес до ее ушей последнее напутствие Цзян Ту:

— Ты оставила деревню Множества Благословений позади.